

УЗНАЕТ ЛИ МЭРИ ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ НОВОЕ?

Мстислав Андреевич Казаков – соискатель кафедры теории и практики управления, Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт». E-mail: mstkazakov@gmail.com

В статье рассматривается проблема субъективного опыта в контексте мысленного эксперимента «нейроученый Мэри» Ф. Джексона. В частности, предпринимается попытка опровергнуть позицию Джексона, согласно которой субъективный опыт (квалиа) представляет собой качественно новое знание. Для обоснования авторской позиции проводится мысленный эксперимент, по своей сущности схожий с экспериментом Джексона, но, по мнению автора, опровергающий его. Обосновывается, что в аргументации эпифеноменализма следует разделять не «знание что» и «знание как», но знание как таковое и опыт как таковой. По мнению автора статьи, то, что получает Мэри, выходя из комнаты, является опытом, данными, которые невозможно впоследствии перевести в знание, так как не существует никакой возможности репрезентовать эти данные или использовать их на практике.

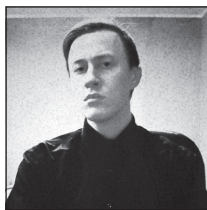
Ключевые слова: философия науки, философия сознания, знание, опыт.

DOES MARY LEARN AT LEAST SOMETHING NEW?

Mstislav Kazakov – Ph.D. student in philosophy of Department of theory and practice of management, National Technical University of Ukraine “Kyiv Polytechnic University”.

The paper deals with the problem of subjective experience and the problem of knowledge and experience correlation, basing on the thought experiment of Frank Jackson known as “Mary, the neuroscientist”. According to Jackson, the subjective experience of seeing colour (along with having previous knowledge about what is it like – to see colours) adds something new to knowledge we’ve already had. The author disagrees with such a position and conducts another thought experiment which can be called “dreamtown visiting”. The experiment is essentially similar to Jackson’s experiment, but, as it becomes clear, it demonstrates, that we do not get any new knowledge but only get the experience which cannot be converted into knowledge, because there is no way of such a converting (this comes out from author’s conclusions made on the basis of the reflections on the thought experiment). It is also substantiated that, while discussing epiphenomenalism arguments, there shouldn’t be distinction on “know what” and “know how” – in this case we deal with the distinction of knowledge (as a holistic phenomenon) and experience (which can be considered as data, which can either be used in practice or not). In case of Mary, who walks out of her room, she gets new experience, but now an additional knowledge, and this experience has no expression in new ways of representation of visual experience (that already exists) and no practical usage. That is why, to author, epiphenomenalistic arguments in the discussion about human mind are unjustified.

Key words: philosophy of science, philosophy of mind, knowledge, experience.

Дискуссии в современной философии сознания относительно существенности субъективного феноменального опыта в исследованиях сознания ведутся не первое десятилетие. Согласно одной из позиций в этой дискуссии, субъективный опыт и данные, которые получает каждый конкретный субъект, ква-

УЗНАЕТ ЛИ МЭРИ ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ НОВОЕ?

лия, играют значительную роль и влияют не только на субъекта, но и на понимание человеческого сознания в целом. Более того, сами квалиа и есть новое знание. Этой позиции придерживаются антифизикалисты разного толка – Т. Нагель, Д. Чалмерс, Ф. Джексон и др. Противники так называемых квалиафилов (например, элиминативные материалисты, картезианские материалисты, функционалисты) оспаривают роль квалиа в понимании человеческого сознания, а в наиболее радикальной форме – отрицают их существование. Не вдаваясь в историческую ретроспективу *pro et contra*-аргументации, мы хотели бы исследовать проблему квалиа как типа знания, в частности в том виде, в котором поставил эту проблему сторонник эпифеноменализма Фрэнк Джексон в статье «Чего не знала Мэри?» [Джексон, 2009].

Для введения в проблему коротко изложим мысленный аргумент Ф. Джексона. Мэри является блестящим ученым, изучающим мир в черно-белой комнате с использованием черно-белого компьютера (телевизора), видя себя черно-белой в том числе, но способной видеть цвет в принципе (просто цвета, кроме черного и белого, не встречаются в данной комнате). Она – специалист по нейрофизиологии зрения, обладающий всей физической информацией, которую можно получить, о том, что испытывает некто, видя красный цвет или синий, или когда этот некто попросту использует сами слова «красный» и «синий». Она знает, какие комбинации длин волн стимулируют сетчатку глаза, когда глаз смотрит на красный помидор, что при этом происходит в центральной нервной системе и что происходит в ней, когда произносится фраза «помидор красный». Вопрос, который ставит Джексон, звучит следующим образом: «Что же произойдет, когда Мэри выйдет из своей комнаты (или когда в ее комнате появится цветной монитор)? Получит ли она какое-нибудь новое знание?» [Джексон, 2009].

По мнению Джексона, она определенно узнает нечто новое – у нее будет фактуальное знание, субъективный опыт того, каково это – видеть красное. Этот же аргумент отстаивается в статье Джексона «Эпифеноменальные квалиа» [Джексон, 2014: 260–273] – одном из манифестов современной теории квалиа, субъективного опыта, переживаемого единичным субъектом. Сторонники квалиа пытаются опровергнуть материализм за счет несводимости такого рода опыта, как квалиа, к процессам в мозге, утверждая, что есть «что-то еще», без чего «знание что» неполно. Это «что-то» является дополнительным знанием относительно того, что уже знает Мэри. На наш взгляд, Джексон и его сторонники ошибаются, что мы постараемся доказать в данной статье – это является ее целью. Исходной позицией, согласно которой эпифеноменализм ложен, является необходимость строгой дихотомии знания и опыта, в связи с чем предметом статьи будет

исследование этой разницы и, исходя из этого, обоснование ложности идей Джексона и его последователей. Последние пытаются спасти аргументацию Джексона утверждениями о том, что в случае с Мэри необходимо разделять «знание что» и «знание как» и в ее случае мы имеем дело со «знанием как». На наш взгляд, это разделение необоснованно, так как то, что действительно разделяется здесь необходимым образом, – это знание и опыт. Для этого нами будет использован мысленный эксперимент. Исходя из того что позиция Джексона обосновывается мысленным экспериментом – довольно распространенным приемом аналитической философии, – мы, принимая условия, в которые ставит нас автор, проведем свой мысленный эксперимент (от первого лица), во многом близкий эксперименту Джексона.

Итак, представим, что я являюсь специалистом по городской культуре, хотя никогда не жил в городах (предположим, я живу в лесу или в комнате по типу той, в которой живет Мэри), в остальном же (в вопросах восприятия расстояния, звуков, цветов, пространства в целом) ничем не отличаюсь от других людей. Я давно хочу попасть в некий город К и знаю об этом городе все – его историю, жителей, их характеры, события, которые там происходили, расположение и названия улиц, географические координаты, словом, все возможные данные об этом городе. Я видел фотографии и видеозаписи, показывающие все улицы и здания в К., а также фотографии всех людей (и даже слышал аудиозаписи с их голосами). В городе К. есть водопад, и я даже знаю, каково это – подставить голову под водопад, слышать его шум и т.п., знаю настолько, насколько это могли описать словами те, кто там был (изучив их рассказы об этом). Я очень хочу попасть в К. (в связи с чем я так пристально его изучаю), но в данный момент не имею возможности этого сделать. И все же в один прекрасный день мне наконец удастся попасть в К., пройтись по его улицам, пообщаться с людьми, увидеть и услышать знаменитый водопад К. Необходимо поставить тот же вопрос, который ставит г-н Джексон: действительно ли я при этом узнаю нечто новое?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо его должным образом прояснить: получаю ли я новые знания или нет? И в этом случае, на мой взгляд, ответ будет отрицателен. Зная все о городе К., я неоднократно воспроизводил в голове сценарии того, как протекает там жизнь, как побываю там сам, нет такого нюанса, который я бы не знал о нем, кроме лишь моего собственного там пребывания. И когда это пребывание имело место, о чем мне, само собой, известно, ситуация не меняется ни для меня, ни для людей. Они узнали о том, что я побывал там, общаясь со мной, в той же мере, в какой и я знаю, что побывал там, из собственных впечатлений о своем пребывании там. Не сходна ли эта ситуация с ситуацией видения красного цвета при знании всего, что доступно человечеству, о красном цвете? Связь нали-

цо, а при ее наличии можно утверждать, что я не получаю дополнительного знания. Тем не менее я получаю «дополнительное нечто». Вопрос лишь в том, дополнительное *что* это нечто? Очевидно, это мой личный опыт пребывания там, ощущения, полученные от пребывания в городе К. Но такого рода опыт при наличии априорных относительно этого опыта знаний о К. не является ничем дополнительным относительно знания. А значит, тезис о добавочном знании эпифеноменализма ложен. Рассмотрим это подробнее.

Оговорим трактовку терминов «знание» и «опыт». В нашем исследовании мы рассматриваем знание и опыт (безотносительно к их внутренней типологии) как определенные типы информации, которую субъект как получает, так и отправляет во внешнюю среду. Знанием является информация об окружающей реальности, обществе, другом человеке или самом себе, которая, как утверждается, адекватно отображает аспект реальности, общества, человека или самоопи-сывающего субъекта. Исходя из этого знание может быть истинным или ложным. Истинное знание – это знание, совпадающее в своем семантическом содержании в рамках средств репрезентации с описываемым феноменом. Такое знание может исходить как из истинных, так и из ложных предпосылок (что убедительно показал Э. Гетье [Гетье, 2014: 31–34]). Соответственно ложное знание является неадекватным отображением, семантически нетождественным (не описывающим ничего или описывающим другой феномен) тому, что оно должно описывать. Ложное знание (исходя из второй части парадокса Гетье) может исходить и из истинных предпосылок (в связи с чем в настоящей статье мы будем анализировать знание без предпосылок).

Истинное знание является единственным способом передачи корректной информации об объективной реальности и единственным источником знания субъективной реальности, коль скоро эта информация представляет собой корректную передачу данных о субъекте наблюдателю. Именно поэтому знание всегда необходимо используется тем или иным способом – оно неотделимо от человеческой практики. Действия субъекта, его манипуляция информацией или использование определенных навыков сообразно ситуации или требованиям и условиям окружения обеспечивают «верификацию» знания субъекта в глазах других: если действия субъекта отражают положение вещей в той или иной форме (как высказывания или как действия) сообразно обстоятельствам, то принято говорить, что субъект обладает истинным знанием. Практика, кроме того, пребывает в обратной связи со знанием – деятельность субъекта в мире сама является источником получения знания. Такая деятельность, естественно, должна пониматься и как действия субъекта, и как воздействие на него внешнего мира. Налицо связка: Деятельность₁–Информация–Деятельность₂. Если исходить из однозначной истинности информации, Деятель-

ность₂ в этой схеме может быть как истинной, так и ложной – это деятельность каждого конкретного субъекта, которая основывается на полученной им Информации, представляющей собой результат взаимодействия субъекта с миром. Деятельность₁ тогда должна рассматриваться как активная деятельность субъекта по усвоению нового знания или как пассивное восприятие знания, которое предоставляет ему внешней средой или другими субъектами. Иными словами, Деятельность₁ является условием существования знания как Информации для конкретного субъекта – без него Информации самой по себе не существует.

Схема, бесспорно, является грубо приближенной по сравнению с множеством современных эпистемологических концепций, представляя собой скорее упрощенное изложение энактивизма, который близок автору. По мнению автора, трактовки знания как семантической системы и человеческой практики, которые исходят от субъекта и принимаются им извне, достаточно в рамках данной статьи, хотя, бесспорно, можно было бы включить в определение такое понимание знания, как, например, субъективный образ реальности. Трактуя же знание как тип информации в мозгу субъекта и как особым образом организованную деятельность во внешнем мире, мы, само собой, не упускаем условия приобретения этой информации и «правил действия» – познавательную деятельность. В случае с моим экспериментом с городом К. деятельностью является изучение и поиск всей возможной информации о городе К., а результатом – правильным образом организованная деятельность, а именно процесс передвижения по городу К. со знанием всех его аспектов. Но в процессе передвижения по К. я не занимаюсь познавательной деятельностью, а исхожу из имеющихся у меня данных, благодаря которым правильно выстраиваю свое поведение в К.

Опыт не является тем, что мы необходимо используем. По своей сущности он представляет собой как сознательное, так и непроизвольное получение информации, которую сознание при помощи сенсорной системы субъекта способно определенным образом перекодировать в данные. Последние потенциально лишь способны стать знанием, изначально им не являясь. Так, в случае несознательного получения информации принято говорить о некоторых видах непосредственного знания (например, неявное знание). Опыт не всегда переходит в знание, которое мы способны использовать практически: так, мы иногда говорим: «Я даже не понял(-а), что произошло» о каком-то событии, которое мы пережили, например, в состоянии измененного сознания. Вытесненное вследствие травмы осознание неких событий также перестает быть знанием, которое мы способны использовать, репрезентовать для других и вообще как-либо сознавать. Опыт является сбором информации, определенных ощущений, кото-

рым лишь предстоит перейти в знание, что не всегда происходит, так как некоторые аспекты опыта либо несознаваемы человеком (состояние сна или аффекта), либо попросту невыразимы ни вербально, ни остенсивно (как бы мы ни описывали вкус шоколада, наилучшая репрезентация его вкуса – дать попробовать его собеседнику). Наиболее близкая аналогия понимания опыта – это получить данные эксперимента с помощью замеряющей и вычисляющей аппаратуры: ученые в ходе эксперимента получают определенные цифры, выводимые продолжением их собственных (биологических) когнитивных аппаратов – искусственно созданными инструментами познания. Но этим наборам цифр (часто не имеющим значения для постороннего человека) еще только предстоит стать знанием, информацией об исследуемом предмете. Лишь после интерпретации полученных данных появляется научный факт, элемент знания, который мы можем ретранслировать, перепроверять (другими опытами) или повторно интерпретировать (другим образом).

Выстроить более строгую демаркационную линию между знанием и опытом нам помогут концепты, существующие в современных компьютерных науках, где разделяются базы данных и базы знаний. Данные являются чем-то пассивным относительно знаний – их еще только предстоит использовать; в иных случаях определенные данные могут вообще никогда не быть затребованы. Кроме того, данные могут содержать как истинную информацию, так и ложную (или попросту неподтвержденную). База знаний в компьютерных науках – нечто обработанное не на уровне накопления, а на уровне качественной переработки определенной информации, введенной в базу. Это данные, отобранные согласно специальным нормам и критериям, причем последние зависят от типа знания.

В такой трактовке понятие базы знаний не впадает в противоречие с парадоксом Гетье (согласно которому обоснованное достаточным образом знание может не быть истинным, а некое истинное знание может не иметь обоснования). Единицы знания – это качественно отличные друг от друга высказывания или схемы действий, адекватным (или неадекватным, если знание ложно) образом отображающие, исходя из всей доступной информации, определенные объекты во круг и внутри человека или дающие возможность адекватно отвечать на определенного рода внешние и внутренние импульсы. Так, если мы видим суждение « $A = A$ », мы не узнаем ничего нового из правой части тождества (так как здесь представлена одна *единица знания*), но если мы узнаем, что « $A = B$ », значит узнаем о некоей процедуре доказательств или интеллектуальном поиске, который привел к выводу, что значение некоего B тождественно A (иными словами, мы встречаем новую единицу знания – B). Знание « $A = B$ » является истинным знанием, так как правая часть тождества сообщает нам нечто новое об

А, в то время как в « $A = A$ » такая информация нам не сообщается. В то же время, поднимаясь на уровень выше трактовки частей тождества как единиц знания, мы можем сказать, что единицей знания является то, что « $A = A$ » – это тождество и оно суть истинное тождество, а « $A = \sim A$ » будет ложным тождеством (если, например, а является суждением «Это яблоко»). Так, единицы знания отличаются не только горизонтально (качественное различие между равноправными суждениями или концептами), но и иерархически (где некоторые единицы знания включаются как подмножества в определенные множества, которые в свою очередь могут также включаться в еще большие множества). Так же обстоит дело и с деятельностью: зная, что если А, то В, мы желаем достигнуть результата В путем выполнения условий А, в противном случае мы либо не хотим достигнуть В, либо действуем неадекватно.

Один из способов такой иерархии знания (и как высказываний, и как определенных практик) был предложен философом М. Фуко [Фуко, 2012]. Речь идет об иерархии дискурсов, под которыми Фуко понимал особый режим функционирования знания в определенном пространственно-временном отрезке относительно определенных аспектов окружающей реальности или человеческого общества. Пример такой иерархии выглядит следующим образом: дискурс студента-физика–дискурс преподавателя физики–дискурс физики–дискурс естественных наук–дискурс науки. Каждый дискурс представляет собой некую ступень, включающую в себя предыдущую в качестве своего частного случая: студент является лишь одним из студентов, получающих знания через ретрансляцию их одним преподавателем, в свою очередь получившим знания от научного сообщества (и от таких же преподавателей, каким стал он сам) и т.д. И даже верхняя ступень последовательности, дискурс науки, не является наивысшей точкой – она является частью общечеловеческой базы знаний – человеческой культуры в ее синхроническом и диахроническом срезе.

Все мои знания о городе К. качественно отличны друг от друга – я знаю всю информацию об улицах А, В, С, биографию горожан а, б, с и др., и если меня спрашивают, чем отличается улица А от улицы В (не является ли знание А и В эквивалентным?), я всегда имею возможность объяснить различие между А и В, сказав: «На улице А стоит банк, а на улице В – только жилые дома» и др., вплоть до атомарных различий (которые мне, согласно условиям мысленного эксперимента, известны, хоть я и не был на этих улицах). Качественное отличие знаний друг от друга является важнейшей чертой, отличающей знание от опыта. Когда я наконец добираюсь до города К., я не узнаю новое – я получаю подтверждение своим знаниям, говоря: «Да, я знал, что с этой позиции здание городской ратуши особенно красиво во время заката, я изучал это!» или «Водопад действительно громко

шумит, если подойти к нему ближе чем на 50 метров, о чем я узнал от очевидцев и ученых, которые исследовали этот водопад». Что же меняется после того, как я побываю в К.? Как и было сказано, я получаю опыт, но опыт этот не является знанием, качественно отличным от того, которым я уже обладал. Такого рода опыт соподчинен знанию. Следует пойти дальше и сказать также, что в моем случае, как и в случае с Мэри, истинное знание о феномене предшествовало моему феноменальному опыту, моему непосредственному восприятию самого феномена. Мое описание, как и описание Мэри, могло бы быть полным, неполным, ложным или истинным, но если некто, обладающий точным знанием относительно феномена и непосредственно имевший с ним дело, выслушивая мое описание этого феномена, принимает его за истинное и исчерпывающее знание о феномене, то мое непосредственное восприятие этого феномена едва ли внесет детали в описание, которым я обладал до феноменального опыта.

И это различие, на наш взгляд, снимает проблему квалиа: квалиа несущественны как элемент знания, в связи с чем невозможно проблематизировать их в научном ключе – для нас не играет существенной роли информация, полученная субъектом путем перцепции, даже обработанная мышлением этого субъекта. Стандартным подходом к разрешению проблемы Мэри (которую мы встречаем также в полемике самого Джексона с П. Чёрчландом) является различие «знания что» и «знания как», но, на наш взгляд, опыт несводим к «знанию как» – он также может быть непередаваем или передаваем лишь фрагментарно или встречаться в формах непосредственного знания. В этом случае то, что будет передано, станет определенным «знанием как», но останется нечто невыразимое. И это последнее является информацией, но информацией другого порядка, чем-то, что мы неспособны превратить ни в какое знание.

Такого рода опыт, будучи присущ человеку, качественно отличается от информации, которая может быть конвертирована в знание. Именно поэтому мы утверждаем, что я не получаю нового знания, прибывая в город К. наяву. Свой же личный опыт пребывания я затем могу описать, говоря, насколько совпадает он с известной мне информацией и адекватно ли я пережил то, про что знал ранее. Сами ощущения, полученные, например, сенсорным путем (прикосновение к воде, прикосновение к городским стенам и проч.), останутся при мне, но это будут не знания, а мой сырой опыт, которому я способен придать видимость знания, если дам этому опыту некую экспертную оценку, воспроизводимую на intersubъективном уровне. И как другие могут обманываться насчет моего опыта прикосновения, так и я могу частично ошибаться в собственном сенсорном опыте (или любом другом).

В обыденном языке подобные ошибки интроспекции чаще всего выражают восклицаниями типа «Видел бы ты свое лицо в тот момент!», подразумевая, что у меня в этот момент действительно не было никакой возможности увидеть его. На языке науки такое изучение других Деннет метко назвал гетерофеноменологией. Еще Дж. Остин писал: «Сторонние наблюдатели могут иногда давать человеку корригирующие указания касательно его собственных эмоций. Так, человек может согласиться, что на самом деле был не столько раздражен, сколько оскорблен или ревнив, или даже что на самом деле он не был огорчен, а это ему только казалось» [Остин, 1987: 89]. И наше знание чего-то не *обязано* всегда быть интерсубъективным и гетерофеноменологичным – но оно должно как минимум *обладать* *своим* становления таковым, иначе мы не можем узнать о его существовании (так как без этого свойства оно недоступно и для нас самих). И наоборот – доступность какого-либо знания для нас означает как минимум его потенциальную доступность для других. Все, что мы можем назвать своим «личным знанием», должно быть сознаваемо и репрезентуемо по крайней мере для нас самих. Мы можем скрывать мысли и ощущения от других, но если мы неспособны выделить нечто – в рамках деятельности или вербально (разговаривая вслух или на уровне внутренней речи) – это нечто не будет являться личным знанием. В лучшем случае мы будем иметь дело с опытом, описание которого или деятельность, им обусловленную, мы и назовем знанием (или его демонстрацией). Приехав же в город К. с тем знанием об этом месте, которым я уже обладал до своего прибытия, я никак не изменю свое поведение и свои знания о К. (коль скоро они были истинными), так как уже обладаю всей необходимой информацией и эта информация мне полностью доступна и ясно мною сознаваема.

Независимо от того, ложно это знание или истинно, исходит ли оно из истинных или ложных предпосылок, оно выразимо, и если мы ошибаемся, гетерофеноменологический анализ этого знания способен скорректировать наши ошибки (или же мы корректируем чужие сознания, которые заблуждаются). Субъективный же опыт, переживания, принципиально некорректируемы, в связи с чем они, собственно, не могут стать знанием, так как не существует возможностей их адекватной репрезентации. Если же мы вдруг узнаем, каково это – быть летучей мышью (или бейсбольным мячом, или термостатом, или книгой), мы с большой вероятностью попросту не сможем описать этот опыт, так как в момент пребывания чем-либо, не обладающим сознанием человека (или любым другим исходным сознанием вида, который должен будет описать свое инобытие), у нас будет отсутствовать возможность как либо рефлексировать над собственным состоянием. Как замечал Д. Хофштадтер, «язык (среди прочего) – это мост, позволяющий нам заглянуть на чужую территорию. Летучая

мышь понятия не имеет о том, “на что похоже быть другой летучей мышью”, и не задается этим вопросом. Дело в том, что у летучих мышей нет общего средства общения для обмена идеями, подобного тому, какое дают нам язык, фильмы, музыка, жесты и так далее. Эти средства позволяют нам проецировать на себя других людей и усваивать чужую точку зрения. Благодаря им, точки зрения становятся более модульными, легче передаваемыми, менее личными и идиосинкразическими» [Хофштадтер, Деннет, 2003: 369].

Конечно, Хофштадтер недооценивает важность оstenсивных определений. Предположим, что некто, не имеющий ног, спрашивает меня: «Каково это ходить?» Я мог бы попытаться описать этот процесс, но гораздо проще было бы пройти перед ним и сказать: «Это и есть “ходить”». Остенсивные определения, таким образом, являются частью знания, которое мы можем репрезентовать другим, – безногое существо (или человек) не получает опыт того, *как это* ходить, но узнает, *что же такое* ходить, и это, следовательно, совершенно отличный от моего пребывания в К. тип информации.

Сторонников трудной проблемы сознания и квалиафилов не удовлетворяет позиция, согласно которой лучшее, чего можно достичь на пути узнавания того, каково это быть кем-то объективно, – это «принять точку зрения», а в лучшем случае – надеть некий шлем с электродами, который передавал бы напрямую в мозг исследователя А ощущения того, каково это быть Х. Но А не был бы Х в полной мере, он лишь узнал бы, каково это, будучи А, ощущать «Х-ность». И это, как известно, одна из ключевых проблем, которые поднимаются в вопросе о чужих сознаниях, в наиболее острой форме проблематизированная Т. Нагелем. И наш личный опыт, наше личное знание того, каково это быть в городе К., будучи мной, а не кем-либо еще, не может стать надежным знанием, если некто не опишет со стороны, каково это – наблюдать, как и что я делал в городе, какие ощущения испытывал и что говорил. Этот рассказ может быть ошибочным, но не менее ложной может стать моя собственная история о моем пребывании в К. – я могу преувеличивать (осознанно или нет), недоговаривать, не замечать деталей, которые видны со стороны, или попросту нагло врать. Идеальной моделью в этом случае было бы совпадение моего самоописания, моей истории о своем пребывании в К. и рассказов наблюдателей, которые, например, находились со мной каждый миг моего путешествия и протоколировали каждое мое действие. Если наши протоколы относительно меня совпадают, не возникает сомнений в том, что теперь существует новое знание, которое можно добавить в базу знаний о городе К. Когда некто другой будет изучать эту базу знаний, он сможет найти и достоверную информацию обо мне, рассказанную со стороны и от моего лица (и она будет идентична).

С точки зрения скептицизма эта идеальная модель недостижима, но такого рода скептицизм не присущ адекватному взаимодействию между индивидами даже на уровне обыденного сознания – радикальные сомнения представляют своего рода спекуляцию, ведущую к эпистемологическому солипсизму. Тем не менее не исключено, что хотя описание наблюдателей и мое самописание совпадают, могло бы иметь место еще что-то: определенные запахи, ощущавшиеся мной, о которых я умолчал, негативные мысли, которые пронеслись в моей голове и которые я не озвучил, ощущение холода, которому я даже не придавал значения и осознал его наличие, лишь когда слег с простудой по приезду из города К. Но являются ли мысли, посещавшие меня в тот момент, знанием? Лучше всего было бы сказать так: нет, думая, я ничего не знаю, я только думаю, но не получаю никакой информации; я произвожу ее, и единственное, что остается в итоге, это мой личный опыт того, каково это – думать эту мысль в определенный момент времени в определенном месте. Я знаю для себя, каково это, я могу попытаться передать это ощущение словами, но вряд ли найдутся достаточно адекватные языковые средства для подобной репрезентации. Именно поэтому невысказанное мной по собственному желанию или в связи с (относительной) бедностью человеческих средств передачи информации, весь опыт подобного рода остается информацией другого порядка относительно объективного, intersubjectivного знания.

Перечисленные моменты (холод, который не ощущался, утаенные мысли, запахи) в сущности относятся к этому порядку – я не узнаю что-то новое, а получаю новый опыт, который даже не всегда обрабатываю. Мой мозг, моя центральная нервная система получают данные, но далеко не все эти данные я сознаю, а следовательно, не все данные я использую в будущем. Так, кто-то может обрисовать меня, пока я сплю, о чем я не узнаю. Тем не менее мое тело получит ощущения от маркера, которым будут водить по коже, – оно попросту не уведомит меня, так как в тот момент я не буду находиться в сознательном состоянии – единственном состоянии, в котором я адекватно воспринимаю сигналы из внешнего мира и обрабатываю их на разных уровнях. Можно ли назвать такого рода ощущения «бессубъектным опытом» (в противовес субъективному опыту, который я сознаю)? Определенно, если пользоваться терминологией сторонников квалиа. Если все-таки отбросить проблему квалиа как существенную проблему в философии сознания, сознательный опыт пребывания в месте, о котором мы знаем все до мелочей, приближен скорее к инциденту с маркером – все это типы опыта, но не знания. Конечно, я посмотрю в зеркало и увижу, что меня обрисовали, я буду знать о том, что обрисован; точно так же, как я буду знать, что ходил по улицам А, С и Е, когда был в К., что я обедал в ресторане «Н» и останавливался в отеле «О».

В своем самоописании этих приключений я могу прийти до многого – до мнений о местной кухне, погоде, обслуживании в номерах вплоть до мельчайших подробностей. Но эти атомарные подробности будут являться пределом знания, которое я могу извлечь из своей поездки. Я могу сколько угодно размышлять над тем, каково это было быть мной, будучи в К., но я никогда не смогу зайти дальше подобного рода самоописаний. Скопление чувственных данных, которые невозможно репрезентовать, не может быть объектом сколько-нибудь серьезного научного исследования – это не будет иметь смысла до тех пор, пока наука не научится соединять нервные системы других существ. И даже в этом случае передача данных, визуальных, слуховых и обонятельных данных другого существа, не станет знанием до тех пор, пока мы не приведем ее в надлежащий вид, репрезентовав для интересующего наблюдателя – людей – человечества. И нет никакой гарантии, что это произойдет.

Среди возможных возражений относительно поднятого в статье вопроса может встретиться вопрос о статусе знания мастеров-профессионалов, особого рода деятельности, основывающейся на профессионально развитых чувствах, приобретенных в ходе практики (собственно, таковым и был один из вопросов рецензентов данной статьи, адресованных автору). На мой взгляд, речь идет о разных типах знания: знание профессионалов подразумевает особые навыки, а не простые способности вроде умения ориентироваться в пространстве, зная расположение объектов в той или иной локации, или же правильно воспринимать цвета. Такие способы знания невозможно «отточить» или «усовершенствовать» (в случае с цветами возможен контраргумент относительно видения цветов художником, здесь речь идет о непосредственной деятельности, где «особое видение» цвета является лишь фрагментом совокупности приобретенных в ходе профессиональной деятельности навыков). В деятельность профессионалов, кроме того, часто включено специальное оборудование, в ней могут встречаться специального рода манипуляции, иными словами, оно приобретено в деятельности, базирующейся на взаимодействии субъекта с внешним миром, и представляет собой особый тип реакций на входящие сигналы извне, будь то ситуации, события или задачи, которые ставят перед нами другие субъекты.

В профессиональной деятельности действительно прослеживается последовательность «знания что» и «знания как»: некто знает, *что* делать в конкретной ситуации, и действует именно *так* («отвечая» своей деятельностью на вопрос: «*как* он это делает?»). Но такое знание несравнимо с видением цвета или посещением города, о котором мы имеем все возможные данные. Если способность ориентироваться в пространстве или видеть цвета является врожденной для нас, если мы называем красным А, мы в процессе развития закрепляем само слово

«красный» за определенным цветом. Наши чувственные данные получают вербальную репрезентацию, но сами знания непередаваемы для чужих сознаний. Имей мы столько данных о красном цвете, сколько имеет их Мэри, мы не смогли бы объяснить, как это знание качественно отличается от того, которым мы обладали до того, как впервые увидели нечто, что принято называть красным. Так же обстоит дело и с городом: я могу подробно рассказать все, что знаю об определенном месте, а прибыв туда, безошибочно на него укажу. Но можно ли считать это особым навыком? Например, до прибытия в город я утверждал, что попасть к Х можно, пройдя через А вплоть до начала улицы В и перейдя дорогу. Я безошибочно повторяю описанный мной маршрут в реальном времени-пространстве, потому что я заранее *знал* о том, куда мне следует двигаться. В процессе моего продвижения могут произойти непредвиденные случайности (например, я столкнусь с прохожим, переходя дорогу В), но эти случайности не изменят мое знание о том, как следует добираться до Х, и описание этого маршрута (как случайное пятно другого цвета на красном объекте не изменит моего знания о том, что такое красный цвет вообще).

Мое знание о городе К. до моей поездки выступает своего рода «априорной структурой», врожденной относительно меня и любого, кому предстоит пережить чувственный опыт пребывания в К. (при наличии того же исходного знания, что и у меня). Но сам чувственный опыт не становится апостериорным добавлением к наличному для меня знанию – я не узнаю ничего нового, а говорю: «Я знал, каково это идти по улице А, из описаний других, из знания материала, которым она вымощена, из запахов, которые там витают, до поездки, теперь же я сам прошел по А и все это ощутил. Могу сказать то же самое. Мое первоначальное знание подтвердилось опытом». Так, знание, добытое лично мной, в субъективном опыте, становится тождественным (а именно тавтологичным) знанию, которое я имел до того, как получил эти данные чувственным путем. И в лучшем случае такого рода получение данных, субъективный опыт может выступить лишь способом подтверждения моего знания, которым я обладал ранее. Новым знанием он станет лишь в том случае, если не будет совпадать с имеющейся у меня информацией (что противоречит первоначальным условиям эксперимента). Равно как и Мэри не сможет описать в суждениях качественно отличного от имевшегося у нее знания то, каково это было, когда она в первый раз увидела красный цвет, так как она могла сделать это и ранее, основываясь на наличии у нее всех возможных данных о том, что такое красный цвет и каково это видеть красное. Именно поэтому в мысленных экспериментах Джексона мы не имеем дела с новым знанием.

Бібліографічний список

Гетьє, 2014 – *Гетьє Е.* Чи є знанням обґрунтоване та істинне переконання? // Антологія сучасної аналітичної філософії, або жук залишає коробку ; за науковою редакцією А.С. Синиці. Л. : Літопис, 2014.

Джексон, 2014 – *Джексон Ф.* Епіфеноменальні кваліа // Антологія сучасної аналітичної філософії, або жук залишає коробку ; за науковою редакцією А.С. Синиці. Л. : Літопис, 2014.

Джексон, 2009 – *Джексон Ф.* Чого не знала Мері? – <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/Djekson.html>

Остин, 1987 – *Чужое сознание* // Философия, логика, язык ; перев. с англ. и нем. М. : Прогресс, 1987.

Фуко, 2012 – *Фуко М.* Археология знания ; перев. с фр. 2-е изд., испр. СПб. : Гуманитарная академия, 2012.

Хофштадтер, Деннет, 2003 – *Хофштадтер Д., Деннет Д.* Глаз разума. Самара : Бахрах-М, 2003.